

КАЗИМИР
МАЛЕВИЧ

МИР

· КАК ·

БЕСПРЕДМЕТНОСТЬ



МОСКВА
2016

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*Вихрь движения мысли
с быстротой молнии освещает мрак будущего,
чтобы увидеть скрытые в нем
практические выводы
как ключи ответов.*

*Нет такого предмета,
который имел бы окончательные границы
и который можно было бы обдумать.*

*Вся современность культуры
представляет собой
тот же психиатрический дом,
ничуть не уступая подлинному дому больных,
в котором существуют камеры,
темницы, одиночки,
общие палаты.*

*Беспредметность —
единственная человеческая сущность действия,
освобождающая от смысла практичности предмета
как ложной подлинности.*

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*Невесомость —
высшая культура техники.*

*Цель для человека — приманка,
без цели не ступит шагу,
хотя заведомо знает,
что в выставленных целях —
одна бутафория.*

*Вся суть всех суетей человека
заключается в равенстве беспредметном.*

*Сущность Бога — ноль благ,
и в этом в то же время и благо.*

*Наука дает нам
только библиотеку условных знаков,
но не действительность,
хотя на вывеске научного института
написано «знание».*

Об этой книге

«Когда исчезнет привычка сознания видеть в картинах изображение уголков природы, мадонн и бесстыдных венер, тогда только увидим чисто живописное произведение», — писал *Казимир Малевич (1879—1935)* — один из самых загадочных представителей русского авангарда начала XX века, создавший новое направление в искусстве, названное им «супрематизмом» (от лат. *supremus* — наивысший).

Супрематизм — это отказ от изображения оболочек предметов в пользу простейших форм — основы мироздания. В беспредметных полотнах краска, по мысли Малевича, была впервые освобождена от подсобной роли, от служения другим целям, — супрематические картины стали первым шагом «чистого творчества», то есть акта, уравнивавшего творческую силу человека и Природы (Бога).

Теоретические и литературные произведения Казимира Малевича настолько многочисленны и разнообразны, что порой возникает впечатление, что художник уделял перу и бумаге больше времени, чем холсту и кисти. Вместе с тем полотна и тексты великого мастера неразделимы: одно вытекает из другого, образуя уникальное явление — творческое наследие Казимира Малевича. Философский трактат «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой» художник-мыслитель считал своим главным теоретическим сочинением.

СУПРЕМАТИЗМ КАК ЧИСТОЕ ПОЗНАНИЕ

Человек озабочен совершенством ответа на возникающие у него вопросы и в ответе видит для себя полезность. Мысль его напряжена, т. е. занята своего рода утилитарностью в разрешениях вопроса — разрешенный вопрос будет формой, ответом, или полезностью.

Всякая полезность, или ответ, сводится к практической жизни, предполагает через целесообразное действие достигнуть практических предметов блага. Всякое движение человек направляет так, чтобы оно дало ему практический вывод как благо; как ответ оценивает только то действие, которое направлено целесообразно к вопросу. Но чтобы познать, действительно ли действие человека направлено к целесообразному разрешению вопроса, необходимо познать сознание его движения и какая поставлена цель.

Каждый человек имеет разное представление о цели, о вопросе, сам находит себе свой путь скорейшего ответа на поставленный им вопрос. Отсюда множество вопросов целей, целесообразностей и ответов.

В жизни поставлен один вопрос практический, к которому человек направляет свое действие так, чтобы оно было целесообразно, подчиняя себе все иные действия, для этой цели обращая их в практические предметы.

Бесконечно напрягает мысль свою в поисках практических разрешений, не удовлетворяясь совершенством прошлого, и в будущем ждет исправления недомыслия, совершенного им в прошлом.

•
*Вихрь движения мысли
с быстротой молнии
освещает мрак будущего,
чтобы увидеть скрытые в нем
практические выводы
как ключи ответов.*
•

Немногим удастся в молниеносном блеске разглядеть ключи ответов. Кто увидел, тот движется дальше, кто не увидел, остается при прежнем доказательстве. Но в действительности достиг ли тот совершенства, кто увидел ключ, и имеет ли преимущество перед тем, кто остался при старом ключе доказательств или ответе, если завтра оба будут недомыслием перед новой мыслью.

Двигаясь к разрешению практических вопросов, забываем выставить другой вопрос, действительно ли, направляя свое действие по целеполезному пути, человек достигнет наконец совершенства, в котором станет окончательной мыслью, но не недомыслью. Ведь все факты прошлого действия по пути к целеполезному дали нам не мысль, но недомысл, показали, что человек еще не мысль, а недомысел, и цель не достигнута, полезность не исчерпана.

Всякое целесообразное стремление к практическому предмету разбивается о беспредметное безмыслие как об истину или подлинность бытия.

Казалось бы, что современный человек должен объединиться в одно единое общество перед одним существующим вопросом практической идеи, для того чтобы продвинуть его скорее к желанному практическому результату. Но однако он

не понимает последнего, общество размежевалось и огради-лось всевозможными условиями, и каждый в отдельности стал достигать практической цели.

Таким образом, один практический вопрос стал распыленным и образовал множество кажущихся различий и разрабатывался в каждом народе отдельно. Таким образом, в одной клетке происходит непосильная нагрузка, которая инициативой своей должна поднять все остальное.

У человека одно средство — движение, и самой ближайшей задачей практического мира есть равное распределение движения, практического веса в массе. Распространяя равное движение, вся масса передвигается равно, равно движет практический вес. В этом высший экономический практический расчет, выражающийся в равенстве. Ибо если кто выдвинулся, тот вышел из общего массового движения и станет либо раскалывать его, либо всю массу двигать за собой.

Предметный или практический мир — мир мыслительной работы исключительно практических разрешений. Чтобы достигнуть единого практического целого, он разбил себя на множество профессий, поручая каждой профессии часть веса целого. Практической единой целью этой системы он полагает построить единый технический организм всечеловека как Международное начало (национальные особенности, возможно, будут выражаться в особых технических функциях общего). Каждая профессия — механическая функция организма.

Мысль разбилась на части специальные, как будто в единстве своем не может постигнуть практического вопроса в целом.

Мысль в предметном мире — самое высшее средство или орудие практического и научного мира, она распространяется с быстротой молнии, а может быть, превосходит ее

тысячами раз больше. Летит, ощупывает Вселенную, проникая вглубь и вширь, ища подлинного целого и всевозможных оправданий и причин явлениям, позабыв, что все явления есть результат процессов-представлений, пространство которых заключается в небольшом черепе человека, и что трудность постижения кроется в тех же мыслительных сочинениях несуществующего практического пространственного целесообразного мира в натуре.

Мысль создала практический предметный мир, мысль же должна прийти и к беспредметному итогу, победив свой пустой бег сочинений. Построив практическое, мысль тем самым доказала, что она бессильна построить конечность совершенства практического сочинения, и тем же доказала, что она идет вопреки природе, в которой практического не существует.

Практическая мысль базируется на прошлом недомыслии и хочет исправить его недомысел, что не спасает, однако, ее от недомысла перед будущим, хотя она уверена, что будущее — то лекарство, которое излечит от недуга недомыслия прошлое, и она сможет в будущем построить неудавшееся практическое в прошлом. Но так как будущее основано на исправлении ошибок прошлого, то возможно с уверенностью сказать, что и в будущем вся сегодняшняя практичность бытия будет тоже ошибкой, что доказывает история вещей развития практического мира прошлого, для которого сегодня было будущим.

Практический организм не удастся создать, ибо его не существует в натуре, и если мы идем к нему, то придем к уничтожению его.

Отсюда нельзя ожидать ничего практичного в будущем, так как бытие, натура, направляющие мое сознание, непрактичны, и кажущиеся практично-научные достижения остаются кажущимися. Будущее доказывает непрактичность вчерашнего будущего, следовательно, бытие направило мое сознание неверно, я его не осознал.

Таким образом, остается «идея» о совершенстве, об абсолютном домысле практичного, но не практичная вещь или предмет.

Все практическое разрушает вчерашнее недомыслие практического объема полноты, каждый день пополняя его совершенством, изменяя только видовые стороны. Все же сущность остается тоже недомыслом, а устройство практических орудий в войне разрушает всю практическую технику, происходит массовое уничтожение всех видов домысла.

Культура практическая, таким образом, разделена на очень странную логику накопления ценностей и разрушения их — так направляет бытие сознание человека. Но сущность бытия в другом случае вне войны. Из этого оправданного логикой действия уничтожения не спасает себя ни один практический предмет по причине самой мысли, которая не сможет его до конца домыслить, в силу чего и возрастает уничтожение как полоумие дела. Каждая, таким образом, практическая вещь — вещь в полоумном, но никогда в целом уме домыслия не бывает.

Последнее говорит за то, что человек в существе своем непрактичен и никогда в целом уме не может быть и что вся культура практических достижений ошибка, как и ум. Предмет или вещь как объем никогда в своей практичности недостижимы, и потому предмета не было, нет и не будет.

Научная техника, поставившая себе логическую через ум-мысль дорогу обдуманного действия, не достигает его никогда. Обдумать также ничего нельзя,

•
*нет того предмета, который бы
имел окончательные границы
и который можно обдумать.*
•

Также политический Государственный договор не достигает практического домысла, не обеспечит в будущем политического равновесия, хотя стремится к этому и полагает его достигнуть не иначе, как в Международном начале, т. е. тогда, когда договариваться будет не с кем, — самый практический выход при условии, если в Международном начале не явится новое учение, доказывающее никчемность практической политики Международного начала.

Быть практичным — значит предвидеть, а так как всякое предвидение — простое представление или теоретический расчет событий бытия, то оно никогда не может выявить подлинности точной.

Такая же ошибка и в Искусстве пытающегося выявить реальное подлинное природы в холсте — он тем самым доказывает, что всякая попытка передать или выявить существующую реальность природы или акт действия общезития растворяется в беспредметности реально недостижимого.

Научная техника и экономическая политика, с моей точки зрения, доказала, что она как культура предметной мысли бессильна разрешить и довести до конца идею, бессильна реализовать ее практически. Нельзя ли сказать этому «опытному» человеку, обосновывающемуся на историческом недомысле: «Довольно, ничего не сделаешь, твое бытие — “историческое недомыслие” — не иначе направит твое сознание, как по истории прошлого недомысла, будущее твое — тот же исторический факт недомыслия».

Может быть, жизнь направит постижение по чистой беспредметности вне знания, достижения цели и проч. Если опыты производятся тысячелетиями по предметной практической культуре научных «обоснованных доказательств» и ничего не сделано и не доказано, то нельзя ли проделать новую попытку по беспредметному плану ненаучных безлогичных

действий. Все ничего не говорящие о подлинности логизмы и смыслы и обоснование практического разума отвергнуть.

Человек имеет хорошего учителя, Природу, т. е. ту подлинность, совершающую бессмысленную работу своих проявлений без цели и разума, в которой он черпает для себя всю силу для постройки смыслового целесообразного предметного мира как теории и представления ее видов, теории происхождения видов. Бессмысленные процессы, оформляющиеся в его теории и представлении смыслом, логикой и тайной, утверждают эту теорию как науку точных знаний, причин, выдавая ее за действительность.

Порабощенный идеей практического реализма, всю природу хочет сделать для себя идеальной. Таким образом, весь предметный, научно обоснованный, практический реализм и вся его культура принадлежат идеалисту никогда неосуществимых идей. Но только нет ничего идеального в природе как в беспредметном, в нем исчезает всякое представление *об идеале, благе, совершенстве* и т. д. Идеалист, материалист — мечтатели, от них предмет идеального совершенства вечно уходит, как нимфа от поэта, которую он хочет воплотить, но она всегда остается только представлением, запечатленным в его поэзии.

Так предмет для другого идеалиста, предметника, остается вечно ускользающим от овладения им физически. С другой стороны, идеалист пытается сделать беспредметное предметным, беспредметное вечно уходит от его физического идеализма, сохраняя свою беспредметность.

Отсюда вполне ясна для меня буря гнева, и война, и проволочные заграждения, удушливые газы, самоубийства, плач, скрежет, печаль и тоска поэтов, художников, техников — материалистов, стремящихся изловить беспредметное и заключить в свои физические объятия.

Тысячелетия проходят в тоске, и еще придут тысячи, и никогда не достигнет никто этого беспредметного ничто и не отразит его в предмет физического или духовного достижения.

Поэт в тоске стремится в своем галлюцинационном сне достигнуть предмета как совершенного, с одной стороны, с другой — у него появляется желание растворить себя в нем.

В погоне за галлюцинационным предметом в своем предствлении и теории числового расчета человек разбивает себя, тонет, взрывает, удушается.

•

*Вся современность культуры,
таким образом, представляет
собой тот же психиатрический
дом, ничуть не уступая подлинному
дому больных, в котором
существуют камеры, темницы,
одиночки, общие палаты.*

•

Такая подлинность существует и в свободной жизни, разумной, смысловой — и тюрьмы, и общие палаты, и одиночки. Ведь все то, что не подчиняется режиму, тоже распределяется по таким же камерам, но с большей строгостью.

Третий разряд больных находится на свободе. Человек считается здоровым, и ему угрожает четвертая категория, — за проступки смертное или тюремное «наказание», что ни за какие проступки в доме умалишенных не применяется. Наоборот, все Государство психиатрического дома и его Правительство предусматривают всевозможные преступления и устраняют орудия и запреты как главных виновников преступления.

Правительства же в жизни почему-то убеждены, что все люди, составляющие второй дом умалишенных, считаются

здоровыми. В действительности разницы нет никакой, ведь каждый умалишенный тот же, что и в свободной жизни тот же больной, пораженный практической болезнью. Перед ним та же галлюцинация предметных достижений, так же он натывается на проволочные заграды, колы, пули, газы, штыки, сабли. Как больной, разбивая стекла, режет себе руки, так же он перерезает себе горло, ногу, если ему попадается оружие.

Разница только в том, что правительство психиатрического дома лишило всех больных оружия — ножей, вилок, веревок, спичек и т. д., а правительство здоровой жизни, наоборот, изготавливает таковые и учит, как половчее уничтожить, одну палату направить на другую. Если же человек откажется от обучения этой ловкости убивать, то его или посадят в дом умалишенных, или в тюрьму.

•

*Беспредметность —
единственная человеческая
сущность действия,
освобождающая от смысла
практичности предмета
как ложной подлинности.*

•

Некогда единое и целое непрактичное существо человека разбилось об эту ложь на множество профессий, хочет постигнуть практический реализм — то, чего не существует. Через профессии хочет скорее осилить практическое совершенство и через него воплотиться опять в единство свое как целое.

Хочет быть в целом практичным, хочет направить действие свое по целесообразному пути, имея перед собой другое целое — Природу как непрактичное действие, движущееся по нецелесообразному пути — пути возбуждений, раздра-

жений вне времени и пространства. Конструируя в себе, а после в натуре, предмет движения практического реализма, находит систему, что и является признаками завершения его практической реальной предметной жизни. «Ищу системы, так как в ней вижу конец своего бега».

Жизнь разбивает на три главных практических пути — Искусство, Религию, Науку-технику, три реальных практических и теоретических представления об истинной жизни, однако вечно оспаривающих между собой истину, выставляя каждое себя за действительную практическую истину.

Человек распял себя на трехпутном практическом перекрестке, снять себя не может на протяжении веков. В перекрестке человек рассматривает три дороги. Разделившись на три, построил в себе мир согласно каждой истине и потому стремится доказать и побороть остальные и установить в себе единую истину, целое нераспыленное начало.

Итак, из трех истин хочет познать одну, так как в трех истинах не может быть единой истины.

Так как все три истины имеют перед собой цель, то, очевидно, средством их достижения будет предметное движение вещей, которое и будет регулироваться целесообразным действием практического реализма. Движение будет реализовано в форме новых вещей, самая вещь и будет реализованное движение.

Следовательно, общее для всех будет Искусство техническое как средство достижения, как практическое осмысливание вещей целью, формирующей форму.

Во всех трех истинах существует практический реализм вещей как блага.

Искусство техническое инженера — порождение последних истин, оно не может быть другим, как только практическим, ибо мир его существует как практическая целесообраз-

ность. Каждый день оно выбрасывает новые совершенства, превышающие скорость вчерашнего.

У трех истин существует и своя инженерная техника. Научная, духовно-теоретическая истина, она может разбиваться на две: технику практическую, предметную, харчевую, и беспредметную. Здесь и лежит проблема новой формы миропонимания, цель предметного достижения скорости. Так как цель далека, сущность ее будет распределение веса в безвесомые системы, чтобы ускорить цель, но цель в этом.

Истина Религии достигла своей системы, разделив человека на два веса — тело-материю и душу; в душе человек освобожден от веса.

•
*Невесомость —
высшая культура техники.*
•

Только одно Искусство, стремясь к монументу, устанавливает вес, легкий вес делает тяжелым, стремится к статическому, к монументальному, нерушимому состоянию. Его техника обратно действует, собирает вес в монумент.

Отсюда художник противоположен инженеру, мысль инженера всегда стремится в будущее совершенства, а совершенство в уничтожении веса, поэтому инженер стремится к разрушению вчерашнего весораспределения и создает новый порядок распределения.

Техника обосновывается полезностью (полезность в скорости), ее волнует далекое будущее, туманное представление совершенства, о чем неистовствует техническая мысль. В скорейшем достижении окончательной пользы она напоминает собой гончую собаку в беге к цели, указанной охотником, перед ней вечно стоит цель трех путей, Науки, Религии,